

М. А. Тарасов

Санкт-Петербургское православное церковное братство как предшественник Миссионерского общества в Петербурге (60-е гг. XIX в.)

DOI: 10.24411/1814-5574-2020-10040

Аннотация: Данная статья продолжает тему предыстории Миссионерского общества в Петербурге, но при этом является первой публикацией о планировавшихся организациях, которые могли бы стать аналогом Миссионерского общества в случае реализации планов. Рассматривается попытка учредить Санкт-Петербургское православное церковное братство как церковно-общественную организацию, которая могла бы в том числе финансировать духовные миссии. После общего введения в историю Миссионерского общества и в особенности настроения петербургской общественности автор прослеживает историческую взаимосвязь между попыткой учредить в 1864 г. Санкт-Петербургское православное церковное братство и деятельностью Миссионерского общества. Затем подробно анализируется один из вариантов проекта этого Братства как возможный источник устава Миссионерского общества. Отдельно раскрывается эволюция миссионерской темы в разных версиях проекта Братства, потому что эта тематика не была для составителей центральной и в финальном варианте проекта нет упоминаний о финансировании миссионеров. В итоге делается вывод и значительной зависимости устава и деятельности Миссионерского общества в 1865–1869 гг. от идей, которые инициаторы Санкт-Петербургского православного церковного братства выразили в проекте этой планировавшейся организации.

Ключевые слова: Великие реформы, Миссионерское общество, православное братство, духовные миссии, финансирование миссионерства, церковная благотворительность, церковно-общественная организация, архимандрит Владимир (Петров), А. Г. Мальков, Н. С. Голицын, С. А. Бурачек, А. П. Башуцкий.

Об авторе: **Максим Алексеевич Тарасов**

Магистр богословия, аспирант кафедры Церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии.

E-mail: pack22@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5226-4249>

Ссылка на статью: Тарасов М. А. Санкт-Петербургское православное церковное братство как предшественник Миссионерского общества в Петербурге (60-е гг. XIX в.) // Христианское чтение. 2020. № 2. С. 233–247.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 2

2020

Maksim A. Tarasov

**St. Petersburg Orthodox Church Brotherhood and Orthodox
Christian Society as Predecessors of the Missionary Society
in St. Petersburg in 1860s**

DOI: 10.24411/1814-5574-2020-10040

Abstract: The article continues the topic of the prehistory of the Missionary Society in St. Petersburg, but it is the first publication about the planned organizations that could be an analogue of the Missionary Society if implemented. The author of the article describes an attempt to establish the St. Petersburg Orthodox Church Brotherhood as a church-public organization, which could, among other things, finance church missions. After a general introduction to the history of Missionary Society and features of the mood of the St. Petersburg public, the author traces the historical relationship between the attempt to establish the Brotherhood in 1864 and the activity of the Missionary Society. Then, one of the draft variants of this Brotherhood is analyzed in detail as a possible source of the charter of the Missionary Society. The evolution of the missionary theme in different versions of the Brotherhood project is separately disclosed, because this theme was not central for the drafters, and in the final version of the project there is no mention of missionary funding. As a result, a conclusion is made that the charter and activity of the Missionary Society in 1865–1869 are significantly dependent on the ideas that the initiators of the Brotherhood expressed in the project of this planned organization.

Keywords: Great Reforms, Missionary Society, Orthodox Brotherhood, Church Missions, Missionary Financing, Church Charity, Vladimir (Petrov), A. G. Malkov, N. S. Golitsyn, S. A. Burachek, A. P. Bashutsky.

About the author: **Maxim Alekseevich Tarasov**

Master of Theology, Postgraduate student at the St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: pack22@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5226-4249>

Article link: Tarasov M. A. St. Petersburg Orthodox Church Brotherhood and Orthodox Christian Society as Predecessors of the Missionary Society in St. Petersburg in 1860s. *Khristianskoye Chteniye*, 2020, no. 2, pp. 233–247.

Миссионерское общество¹, которое действовало в Петербурге в 1865–1869 гг., смогло донести мысль о важности финансирования духовных миссий до значительного круга влиятельных лиц столицы, однако в целом его деятельность не принесла существенной пользы миссионерскому делу в Российской империи. Причиной низкой эффективности МО стал затяжной конфликт между Петербургским советом МО и Алтайской духовной миссией, который начался уже с 1866 г. Административная неопределенность устава МО, недобросовестное отношение к делу и взаимные обвинения постепенно вылились в сословное противостояние светских лиц и духовенства в самом МО. В итоге МО в Петербурге было закрыто и воссоздано в Москве с 1870 г. под председательством митр. Иннокентия (Вениаминова). Однако основные причины такого исхода событий стоит рассматривать в широком контексте.

Великие реформы, проводимые правительством Российской империи с 60-х гг., пробудили российскую общественность. В религиозной сфере это усилило разнонаправленные тенденции светского общества. С одной стороны, происходило отстранение православного духовенства от некоторых общественных сфер (земства, училищные советы, народные школы), поскольку лидерами общественного мнения были государственные служащие, многие из которых привыкли смотреть на Церковь как на идеологический элемент государственного строя, который не имеет права распоряжаться своими финансами, недвижимостью, кадрами, учебными заведениями. С другой стороны, эпоха выявила желание мирян участвовать в жизни Церкви, что породило многочисленные дискуссии. Таким образом, религиозно активная интеллигенция находилась в раздвоенном положении: с одной стороны, они ревностно поддерживали православие, а с другой, они становились проводниками прогрессивных идей, наносящих Церкви вред. Эти тенденции, усиленные продолжающимся процессом обособления духовного сословия в целом, оставили свой неизгладимый отпечаток и на некоторых церковно-общественных организациях периода, в особенности на МО.

В данной статье мы рассматриваем документ «Проект устава Санкт-Петербургского православного церковного братства» в историческом контексте его создания в связи с последующей деятельностью МО в Петербурге. Проект обнаружен нами в личном архиве С. А. Бурачка в Рукописном отделе Института русской литературы (Ф. 34). Никаких упоминаний об этом документе в историографии обнаружено не было, поэтому его содержание нами подробно анализируется.

Процессы оформления двух вышеупомянутых учреждений, как удалось выяснить в ходе исследования, имеют следующие хронологические рамки. Братство проектировалось с июня 1864 г. по февраль 1865 г., а МО проектировалось весь 1864 г., его административное оформление началось с первых месяцев 1865 г., а официальное открытие состоялось 21 ноября 1865 г.

В предыдущей нашей статье о предыстории МО была подробно рассмотрена попытка учредить Братство, которое могло бы стать центральным для всех братств Российской империи [Тарасов, 2019б]. Идея родилась в кружке известного военного историка князя Николая Сергеевича Голицына. Ближайшими его сподвижниками в этом деле были его друзья, отставные военные и публицисты — Степан Анисимович Бурачек и Александр Павлович Башуцкий. Основные инициаторы Братства принимали живое участие в разных общественных начинаниях, связанных с Православной Церковью, поддерживали отношения с профессорами и администрацией Санкт-Петербургской духовной академии. Предполагалось, что организация станет местом консолидации всех церковных братств Российской империи, которые с 50-х годов начали постепенно формироваться преимущественно в западной части страны. Для учреждения Братства была проделана кропотливая работа. Проект несколько раз переписывался и обсуждался широким кругом лиц в течение второй половины 1864 г. Были

¹ В статье используются следующие сокращения: Миссионерское общество (1865–1869) — МО, Православное миссионерское общество (1870–1917) — ПМО, Санкт-Петербургское православное церковное братство — Братство.

привлечены представители приходского и придворного духовенства, а также профессора Академии. Представленный изначально проект был несколько раз существенно переработан и подан на утверждение в Святейший Синод в самом конце 1864 г. Однако проект не был одобрен. В дополнение к сведениям из предыдущей статьи отметим несколько существенных моментов на основании новых архивных данных.

Во-первых, среди учредителей Братства, подписавших итоговый проект, был Евгений Фохт, фамилию которого мы изначально не смогли разобрать (РГВИА. Д. 119. Л. 89). Во-вторых, нами была обнаружена объяснительная записка Н. С. Голицына, разосланная вместе с «литографированным проектом» всем участникам собраний в 20-х числах августа. Первое обсуждение этих документов состоялось на собрании 8 сентября 1864 г., а не 20-го, как мы указывали ранее. В записке автор красноречиво интерпретирует основные правила для братств 1864 г. в пользу создаваемой структуры. Автор значительно расширяет смысл основных правил, чтобы обосновать широкую программу и независимость братств от правительства по примеру вольных ассоциаций, при этом особо подчеркивается центральное положение организации. «Характер Столичного Центрального братства с обширным кругом и объемом действий не только нисколько не препятствовал бы учреждению других братств с меньшим кругом и объемом действий (губернских, уездных и, наконец, приходских и монастырских), но и значительно способствовал бы тому. Столичное братство служило бы для прочих образцом, средоточием, содействием и помощью, ни малейше не присваивая себе никакой центральной власти над ними, но всегда сохраняя лишь первенство между равными, ибо все братства, какой бы ни был круг и объем их действий, должны быть равны между собой, уже по самому названию своему — братство, а между братьями в семействе все равны и различаются лишь тем, что одни старшие, а другие младшие. Таким образом, Санкт-Петербургское Столичное Братство, не присваивая себе главенства, но пользуясь лишь правом первенства, постоянно взирало бы на себя и на совокупность всех других братств в России, как на единое по духу и целям, и только разделенное на большие и меньшие, старшие и младшие, части или члены, Всероссийское и даже Вселенское Православное Церковное Братство» (РГВИА. Д. 79. Л. 7–7 об.). Фраза выразительно отражает характер первоначальной идеи организации. Именно эта записка, согласно надписи на «первоначальной редакции» проекта Братства в личном архиве Голицына, «разошедшаяся преждевременно по рукам... превосходная по духу, но обличительную резкостью своей неудобоносимая особенно теми, кого она прямее других обличает, восстановила против Проекта Устава и самой мысли Братства в том духе и объеме, как оно замыслено» (РГВИА. Д. 119. Л. 1). Вышеприведенные цитаты еще более наталкивают на вывод, что духовенство воспротивилось не самому проекту, который в конечном варианте имел более скромный вид, а непомерным амбициям его составителей [Тарасов, 2019а]. Вероятно, по этой же причине и митр. Исидор (Никольский) был против данной инициативы. Дореволюционный исследователь А. Папков, говоря о сложностях в открытии братств, упоминал «официальные возражения против предположений об учреждении в начале 60-х годов в С.-Петербурге братства при Исаакиевском соборе» из рукописного сборника митр. Исидора, что подтверждает отрицательное отношение петербургского митрополита [Папков, 1902, 74, сноска]. Такой исход ревностной инициативы Братства не мог не отразиться на его амбициозных инициаторах. Реакция с их стороны в отношении духовенства последовала уже через год, 27 февраля 1866 г., когда во время выборов в совет МО именно они открыто выступили против участия духовных лиц в управлении организацией, и были поддержаны, после чего несколько лет рьяно отстаивали эту позицию [Ястребов, 1898, 107].

Чтобы понимать степень взаимовлияния Братства и МО, а также причины, побудившие нас сопоставлять эти учреждения, стоит в порядке значимости перечислить фигуры, которые их связывают, и кратко обозначить роль этих лиц в обоих случаях.

Для начала стоит сказать о главном вдохновителе идеи Братства — князе Н. С. Голицыне. Он создал основной текст устава Братства, вносил в него изменения, объединял вокруг организации возможных участников, договаривался с духовенством

и отстаивал идею даже после отрицательного отзыва церковного начальства. К формированию МО он присоединился благодаря своей родственнице известной благотворительнице Татьяне Борисовне Потемкиной (урожденной Голицыной). До создания организации она уже благоговорила Алтайской миссии, и впоследствии поддерживала ее начальника архим. Владимира (Петрова), несмотря на игнорирование им совета МО. Ее дом на Миллионной улице, который всегда был полон посетителями разных сословий, стал местом общих и торжественных собраний МО [Яковлев, 2015, 204]. Князь вошел в состав совета МО с первых же дней его существования и находился на ведущих должностях вплоть до роспуска МО императрицей в апреле 1869 г. Он был председателем совета в 1866, 1868, 1869 гг. Привлекая в организацию единомышленников, он поднял в совете вопрос о создании отделений МО на местах. Продвинул идею создания большого отделения для помощи новокрещенным евреям. В конфликте между купцом Афанасием Григорьевичем Мальковым и алтайскими миссионерами принял сторону первого. Отстаивал в МО политическую позицию постепенного переподчинения миссий совету МО, как он сам впоследствии вспоминал, изначально ходатайство было «об учреждении миссионерского общества и подчинении ему Алтайской миссии» (Голицын, 1890, 380). В 1867 г. стал главным инициатором т. н. комиссии по Алтайскому делу, итоговый документ которой был направлен против начальника Алтайской миссии архим. Владимира (Петрова), обвинив его и миссионеров в безотчетности и хищениях (Отчет МО, 1869, Ч. 4, 1–176). Постепенно дело дошло до «официальных пререканий» со Святейшим Синодом, который посчитал недопустимым вмешательство светских лиц в компетенцию Церкви, а церковная комиссия полностью оправдала миссионеров. Принципиальность Н. С. Голицына и его единомышленников привела к упразднению МО в Петербурге, при этом даже не удалось создать планировавшееся на базе бывшего совета Санкт-Петербургское отделение будущей организации с центром в Москве. Из-за неурядиц в МО князь попал во временную немилость у императорской четы, однако, как он сам свидетельствует, на его судьбу в целом это не повлияло (Голицын, 1890, 380).

Ближайшим сподвижником князя в МО был увлеченный многочисленными церковными проектами А. П. Башуцкий, который помогал в написании проекта Братства и даже составил свой собственный вариант. В 60-е годы он пытался отправлять гомеопатию и свои лечебные книги в миссии, поскольку увлекался медициной, о чем свидетельствуют сами миссионеры (Благонравов, 1913, 38, 42). Так как он участвовал в частных крещениях евреев, то дважды состоял в комиссии МО по организации помощи новокрещенным евреям. На первых порах был членом ревизионной комиссии, а затем членом «комиссии по Алтайскому делу». Через А. П. Башуцкого А. Г. Мальков отправлял сведения об алтайском миссионерстве в совет МО. Петербургский писатель редактировал, корректировал и писал статьи и заметки вместо малограмотного барнаульского купца, что подчеркивали критики его деятельности (Домашняя беседа, 1868, 873). Так, книга А. П. Башуцкого «Алтайская церковная миссия» написана частично со слов, частично по сообщениям А. Г. Малькова (Башуцкий, 1865), как и другие статьи в журнале «Записки Миссионерского общества» (Записки МО, 1867а, 123–146).

Морской инженер С. А. Бурачек тоже был в центре инициативы Братства. В его квартире проходило большинство собраний для обсуждения проекта, а его самого называли «председателем» (РО ИРЛИ. № 370. Л. 10). Он был в МО своего рода «серым кардиналом», который участвовал в жизни организации только в переломные моменты. Он был постоянным участником общих собраний, но никогда при этом не занимал административных должностей. Он принимал участие в работе важнейших многочисленных комиссий по изменению устава МО, ни одна из которых не разрешила насущные сложности, и присоединился к «комиссии по Алтайскому делу». Однако в совете МО был преданный ему человек — его сын Евгений Степанович Бурачек. Последний был сначала членом ревизионной комиссии, а в 1866–1868 гг. — секретарем совета. И отец, и сын были негативно настроены по отношению

к алтайским миссионерам. На одном из последних общих собраний МО 26 сентября 1868 г. С. А. Бурачек прочитал резкую записку против алтайских миссионеров (Деятельность, 1868, № 193, 770), окончательно откровенно от совета МО тех членов, которые все еще надеялись на благоприятный исход конфликта. Е. С. Бурачек, в свою очередь, присоединился к претензиям Н. С. Голицына к Св. Синоду на рубеже 1868–1869 гг. (Отчет МО, 1869, Прил. 4, 26–27) После закрытия Петербургского МО С. А. Бурачек добивался от митр. Иннокентия (Вениаминова) возвращения в Петербург всех членских взносов, которые были перенаправлены в Москву, что видно из ответного письма митрополита (РО ИРЛИ. № 147. Л. 9–10).

Вышеперечисленные три человека принимали основные решения и определяли политику совета МО в отношении Алтайской миссии в течение 1866–1869 гг. Через много лет Н. С. Голицын в своих воспоминаниях о работе в МО упомянет только А. П. Башуцкого и С. А. Бурачка в качестве своих коллег (Голицын, 1890, 380).

Стоит упомянуть также одиозного публициста Виктора Ипатьевича Аскоченского, редактора журнала «Домашняя беседа». С вышеупомянутыми тремя лицами у него были деловые связи на почве идеологической близости по консервативному направлению, однако между ними не было теплых отношений. Судя по упоминаниям о нем в переписке, все трое относились к личности В. И. Аскоченского сочувственно, но недоверчиво (РО ИРЛИ. № 401. Л. 96 об.). В период обсуждения Братства он не принимал участия в выработке проектов — и потому что его не пригласили, и потому что он сам не посчитал эту идею достойной внимания. «Мы, знаете, уж так напуганы разного рода проектами и предприятиями, разлетевшимися дымом, что и в этом случае с трудом можем доверять» (Домашняя беседа, 1864, 901), — писал В. И. Аскоченский по поводу Братства в своем журнале. По неподтвержденным сведениям, Аскоченский, будучи хорошим другом и земляком архим. Владимира, участвовал в составлении устава МО (ТЕВ, 1895, № 5, 35). Натянутые взаимоотношения впоследствии стали одной из причин, почему редактор «Домашней беседы» критиковал совет МО, возглавляемый Н. С. Голицыным. Этот журнал стал рупором алтайских миссионеров в Петербурге и, не стесняясь в выражениях, обличал позицию совета [Тарасов, 2018]. Таким образом, специально отстраненный от формирования Братства человек сыграл ключевую роль в противостоянии духовенства с теми, кто его отстранил.

Проект Братства получил еще отставной военный и писатель Василий Александрович Васильев. Подпись В. А. Васильева стоит на финальном проекте Братства, потому его можно считать учредителем. Есть сведения, что и он участвовал в составлении устава МО (ТЕВ, 1895, № 5, 35). Он был членом совета МО с апреля 1866 г. по август 1868 г., а также являлся редактором 2-го, 3-го и 4-го выпусков официального издания МО — «Записок Миссионерского общества». В начале 1868 г. он несколько месяцев заменял секретаря совета. Из-за пропавших многих сотен экземпляров «Записок» ему было выражено недоверие, и 27 августа 1868 г. он был снят со всех должностей, хотя халатность на самом деле была допущена Е. С. Бурачком, который и занимался распространением издания (Деятельность, 1868, № 140, 557).

В составе совета МО в апреле 1866 г. В. А. Васильев заменил чиновника Александра Ивановича Максимова, который также оказался связующим звеном между организациями. Он, как и Васильев, был одним из учредителей Братства. А. И. Максимова выбрали кандидатом в члены совета МО на первом годовом общем собрании 27 февраля 1865 г. и он даже принимал участие в заседаниях до апреля (Записки МО, 1867а, 1–2). Помимо этого, его взяли в состав первой неформальной комиссии по еврейскому вопросу, однако с апреля 1866 г. о нем нет никаких сведений в бумагах МО (Записки МО, 1867б, 41).

К обсуждению Братства хотели привлечь Андрея Николаевича Муравьева, по той причине, что он стал первым председателем Свято-Владимирского братства в Киеве. Эта организация впоследствии планировала взаимодействие с еврейским отделением МО. А. Н. Муравьев сыграл важную роль в истории МО, так как он был одним из тех, кто рекомендовал на московскую кафедру митр. Иннокентия (Вениаминова)

(Тихомиров, 1901, 787), благодаря чему стал возможен перенос МО в Москву. Из светских лиц можно упомянуть еще Помпея Николаевича Батюшкова, которому отправили проект устава Братства как квалифицированному специалисту в делах западного края. Однако он не принимал участия в жизни МО в Петербурге, поддержав его только после воссоздания в Москве с 1870 г.

Что касается духовных лиц, то главный вдохновитель и составитель устава МО архим. Владимир (Петров) в свою бытность инспектором Санкт-Петербургской духовной академии был приглашен князем Н. С. Голицыным к работе над проектом Братства. Сам Н. С. Голицын впоследствии позитивно отзывался о вкладе архимандрита в работу и о его взглядах на идею Братства. В личном архиве архим. Владимира в Казани хранилась литографированная копия проекта Братства с идентичным названием и с собственными пометками. Архим. Владимир крестил и помогал устраиваться в духовные заведения новокрещенным евреям, чем заслужил известность у светской публики [Харлампович, 1907, 382]. Как показали дальнейшие настойчивые попытки учредить при МО «еврейское отделение», для инициаторов Братства этот вопрос имел важное значение (Записки МО, 1867б, 157–176). Сам же архим. Владимир не интересовался братским движением, а Братство мог рассматривать как возможность расширить круг знакомств и еще раз поднять миссионерскую тему. На момент первого собрания МО в ноябре 1865 г. архим. Владимир уже был назначен настоятелем Алтайской духовной миссии. Это позитивное для самой миссии решение оказалось определяющим для МО в Петербурге. Оставшись без надзора со стороны духовенства, оно постепенно приносило все меньше поддержки и создавало все больше проблем алтайским миссионерам.

У князя Н. С. Голицына были хорошие отношения с епископом Ладожским Герасимом (Доброседовым), и он особо надеялся на поддержку этого викарного архиерея в процессе формирования устава Братства: «Буду умолять Преосвященного Герасима об ускорении» (РО ИРЛИ. № 370. Л. 5 об.). Именно еп. Герасим, как человек непосредственно знакомый с иркутским миссионерством, через год станет первым председателем совета МО (Осинин, 1865, 7). Такая ситуация предполагала некоторую зависимость организации от митрополита Петербургского, что в перспективе могло бы предотвратить любые неурядицы, выстроить здоровые рабочие отношения. Однако уже 26 января 1866 г. еп. Герасим был переведен на Самарскую кафедру. Он оставил управление МО на волю случая, чем и воспользовались светские лица, которые по уставу не обязаны были утверждать результаты выборов в совет МО у церковного начальства.

Среди тех, кто посетил первое заседание-обсуждение проекта Братства 16 августа 1864 г. и «заслужил» одобрительный отзыв Голицына за свое отношение к проекту, был свящ. Иоанн Никитич Полисадов. Будучи в 1868 г. членом совета МО, свящ. И. Н. Полисадов оказался активным и «громким» участником дискуссий на последних летних и осенних общих собраниях МО в 1868 г., своими заявлениями отстаивая права и честь духовенства.

Косвенную связь можно также провести через митр. Арсения (Москвина), который в августе 1864 г. получил один из вариантов проекта Братства и был сторонником братств в противовес приходским попечительствам. Он присутствовал на общем собрании МО 24 апреля 1866 г., а на собрание 18 марта 1868 г. прислал письмо, в котором призывал изменить политику совета МО в отношении алтайских миссионеров (ПО, 1868а, 179–180).

Таким образом, заметный круг лиц, объединивший две церковно-общественные инициативы середины 60-х гг. — Братство и МО, позволяет рассматривать эти проекты в одном контексте. Однако связь между организациями имеет также юридическую, или документальную, сторону. Промежуточный т. н. литографированный проект Братства хранился в личном архиве архим. Владимира (Петрова), поэтому можно предположить, что он был использован для составления устава МО. Описание и сравнение «литографированного проекта» устава Братства с уставом МО даст

более целостное представление о происхождении и особенностях устава МО. Вдобавок именно «литографированный проект», не прошедший общественные слушания, более других отражает мнение его составителей, в частности князя Н. С. Голицына.

«Проект устава С.-Петербургского православного церковного братства»² находится в личном архиве С. А. Бурачка, и сами составители в письмах называли его «литографированным». Он был отпечатан 17 августа 1864 г. объемом 79 страниц. Как и подобает уставам, документ имеет строгую структуру в виде разделов: общие положения, состав братства и обязанности братий, ведение общим кругом дел, меры и средства к достижению целей, сближение членов на пользу Церкви Православной, средства и должностные лица. Параграфы имеют сквозную нумерацию.

Цели Братства почти дословно дублируют цели церковных братств, записанные в общих правилах для церковных братств от 8 мая 1864 г. (ПСЗ, 1867, № 40863, 409–410). «Средства к достижению целей», т. е. сами сферы деятельности, включали широчайший круг вопросов. Братство должно было способствовать благосостоянию монастырей и церквей, снабжать их утварью, возводить часовни и обеспечивать их охрану; собирать у братчиков сведения о церковных нуждах, совершать обзоры храмов, монастырей и церковных учреждений вне Петербурга; выступать ходатаями за церковные нужды в любых инстанциях; совершать дела благотворительности и милосердия в Петербурге; поддерживать другие братства; распространять духовное образование и православное воспитание в народе, искоренять суеверия, создавать и улучшать церковные школы, приюты, училища, издавать учебные православные пособия; доставлять каждому христианину именную икону и наперсный крест; противодействовать посягательствам на права Православной церкви со стороны иноверцев, инославных, раскольников, еретиков, атеистов, язычников, «уничтожать [их] всеми возможными средствами, общими законами государства»; составлять и публиковать в журналах и газетах ответы и объяснения на все нападки против Церкви, издавать свои апологетические журналы (§§ 28–29).

В оформлении проекта Братства принимали участие писатели и публицисты Н. С. Голицын, А. П. Башуцкий, С. А. Бурачек, В. А. Васильев, для которых было важно наличие собственной печатной площадки. Они были бы рады созданию частного органа, который с близких им позиций выступал бы на литературном поприще. На рубеже 1858 и 1859 гг. Голицын, Башуцкий и Бурачек безуспешно пытались создать апологетический журнал «Соперник» при поддержке ректора СПбДА архим. Феофана (Говорова) [Тарасов, 2020]. Подобный журнал, который защищал бы православие, хотели создать и в Братстве. Согласно проекту, в случае печатных нападок на религию в целом и на православие в частности член Братства был буквально в «обязанности поместить его ответ, объяснение, оправдание дела, в том самом издании». Гласный ответ обязателен, так как дело касается «неприкосновенной святой свободы — духовного благосостояния народа» (§ 29б). В этой связи Братству необходимы были специалисты, умеющие писать для каждой среды — образованного общества, среднего класса, простого народа, которые составляли бы записки, ответы. За хорошие тексты предполагали изредка выдавать премии, и некоторые из текстов печатать на иностранных языках (§ 30). При совете должна была числиться небольшая комиссия из лиц гражданских и духовных для внутренней цензуры всех своих изданий (§ 9). Идея собственного журнала имела принципиальное значение для инициаторов и преодолела все общественные слушания, став в итоге одной из причин отказа в учреждении Братства.

Отдельно оговаривался формат благотворительности. Как благотворительное общество, Братство должно было помогать в первую очередь тем, кто не может самостоятельно своим трудом обеспечить себе жизнь; устраивать сирот, беднейшие семьи, при этом «строго сохранять основное правило благотворительности, истинно

² Далее вместо ссылок на конкретные страницы указаны только параграфы проекта (РО ИРЛИ. № 356. С. 1–79).

христианской, помогая телесным нуждам, непременно стараться помогать чрез них и с ними, важнейшим нуждам духовным» (§ 33).

Хотя в уставе это не было проговорено, широта его задач допускала возможность благотворительной помощи новокрещенным евреям, чем занимались и инициаторы Братства. Поднималась также тема поддержки духовного образования. Братство должно было принимать «самое живое участие <...> в улучшении, преобразовании и основании духовным ведомством его училищ и школ разного наименования» и учреждать при них приюты. Братчики принципиально не хотели помогать неправославным школам, которые «не твердо основаны на вере, учении Церкви и не проникнуты их духом» (§ 34г). При этом планировали издавать еще и православные учебные пособия для народных школ (§ 35). В период формирования Братства вопрос народных и церковных школ беспокоил умы благотворителей и ревнителей Петербурга. Стремление поддерживать начальное массовое образование в первой половине 60-х гг. культивировал в рамках своего неофициального «Петербургского Рождественского братства в пользу народных школ Петербургской епархии, заведенных духовенством», известный священник Александр Гумилевский, который посещал иногда Т. Б. Потемкину (Нарышкина, 2014, 139), а значит, мог быть знаком с учредителями Братства.

Особо важной задачей в проекте были представлены мероприятия по «сближению членов на пользу Православной Церкви», выделенные в отдельную главу. В первую очередь Братству нужно было центральное здание с храмом, где предполагалось проводить деловые встречи, чтения, беседы, концерты духовной музыки и проповеди. В здании было бы место для хранения пожертвований, икон, картин, инструментов, а также братская библиотека. Хотели организовывать «обязательные увеселительные мероприятия»: театральные постановки, балльные программы и карточные партии. Доступ к этому зданию могли бы иметь члены любых церковных братств и приходских советов, а другие посетители для посещения были бы обязаны вносить оплату (§§ 37–39). Центральное же положение Петербургского братства планировали закрепить в издании им «Общего журнала Православных церковных братств», при котором публиковались бы материалы и записки отдельных братств (§ 40).

В административном отношении Братство хотели устроить под покровительством «Их Императорских величеств и под главным попечительством Высокопреосвященного митрополита Санкт-Петербургского» (§ 2). Князь Н. С. Голицын отводил такую роль митрополиту и в финальном проекте Братства (ОР РНБ. Л. 143). Учредители Братства понимали, что правила от 8 мая 1864 г. предполагали включенность православной организации в церковную иерархическую систему, но при этом хотели иметь возможность законно апеллировать к высшим инстанциям. Такая схема высшего управления не могла вызвать сочувствия церковной власти, ведь она снижала возможности непосредственного влияния на организацию. В МО же такая схема фактически была реализована. Во-первых, сыграла свою роль поддержка со стороны императрицы Марии Александровны, а во-вторых, архим. Владимир специально составил устав МО так, будто не Церковь и миссионеры являются инициаторами, а само светское общество, потому-то в нем и не было прописано непосредственное подчинение Синоду или архиереям. Это была целенаправленная попытка выставить инициативу МО как дело, на которое есть общественный запрос, а не только нужда миссионеров [Ястребов, 1898, 87]. Устав МО предполагал непосредственное покровительство императрицы, а митрополит Санкт-Петербургский был лишь почетным членом наряду с другими почетными членами. Взаимоотношения с Синодом в уставе МО заключались лишь в «сообщении членам Святейшего Синода годового отчета» (Новое МО, 1865, 8) и подписи на нем обер-прокурора. Такое положение поспособствовало МО легко выйти за рамки чисто церковной организации и стать общегородским делом, но за это пришлось заплатить свободой в отношении церковной власти, что для Братства было недостижимо.

«Главным попечителем» Братства и председателем общего годового собрания согласно проекту должен был стать митрополит Санкт-Петербургский, у которого

был бы помощник — «выразитель воли попечителя», избранный из двух кандидатов от общего собрания (§ 17). Председателя совета, управляющего делами, и казначея митрополит избирает свое «пожелание», и уже общее собрание утверждает кандидата, но на неопределенный срок (§ 20). Подобный алгоритм, выработанный самим князем Н. С. Голицыным, может в некоторой степени прояснить попытку князя через совет МО предоставить митр. Иннокентию (Вениаминову) звание «Почетного председателя МО» на общем собрании 2 июля 1868 г. (ПО, 1868б, 77–78). «Попечитель» или «почетный председатель» в таком ключе имел бы некоторую власть в организации, но посредственную и шаткую. Идеологи Братства, увлеченные веяниями эпохи, как показала их деятельность в рамках МО, были в принципе против участия духовенства в управлении общественными организациями, даже в тех, которые имеют религиозные цели. Исходя из этого они и пытались придумывать какие-то должности по типу «попечителей» или «почетных председателей», под которыми на самом деле скрывалось лукавое стремление руководить самостоятельно, стоит только организации дать добро. Такими, в частности, рассуждениями мог руководствоваться митр. Исидор (Никольский), когда возражал против учреждения Братства.

Общая схема внутреннего управления Братства была воспроизведена и в МО. Все делопроизводство и счетоводство Братства намеревались сосредоточить в совете, основные и важнейшие вопросы решать на общем собрании, а для частных случаев, требующих специального изучения и соображения, назначать комиссии (§ 5).

Совет Братства предполагался как исполнительный орган. Совет должен был регулировать всю деятельность, взаимодействовать со всеми официальными лицами и учреждениями, учреждать комиссии и т. п. (§ 24). Совет Братства планировали составить предположительно из 7 мужчин и 4 женщин. Совет из своей среды должен был избирать себе председателя, а общее собрание избирало бы одного делопроизводителя и казначея (§ 18). Учредители предполагали, что из состава совета ежегодно будут выбывать два человека (женщина и мужчина). Они могли быть переизбраны, однако для избрания на третий срок пришлось бы ждать целый год (§ 19). Отдельной обязанностью совета прописано обязательное составление подробных правил каждого отдела деятельности (§ 43). В свою очередь, устав МО предполагал 7 членов совета, при этом вопрос о женщинах в составе не оговаривался (Новое МО, 1865, 6). Идеологи Братства считали принципиальным вопрос участия женщин в управлении, что прописывалось и в других вариантах проекта (РО ИРЛИ. № 408. Л. 18 об.). Этой же позиции придерживались члены совета МО, включив Т. Б. Потемкину в состав первого совета, что привело к резкой реакции митр. Филарета (Дроздова) (Бежанидзе, 2012, 15–17) и, вероятно, сыграло роль в его дальнейшем нерасположении к МО. Позиция строителей Братства имела в данном случае символический, но, скорее всего, лукавый характер. Занятая и пожилая светская дама не планировала кропотливо работать с текущими вопросами МО, но лишь принимать участие в торжественных собраниях и щедро жертвовать. Сами учредители в личной переписке выражали откровенный скепсис в отношении продуктивности вовлечения женщин в административное управление (РО ИРЛИ. № 401. Л. 143). Как мы видим, устав Братства, несмотря на свой строгий полувоенный характер, изобилует прогрессивными для того времени демократическими идеями.

Согласно проекту Братства, по утверждению общего собрания при совете могли учреждаться не только временные комиссии, но и постоянные особые отделения (§ 45). В уставе МО подобных положений нет, тем не менее, в течение трех лет деятельности учреждались многочисленные комиссии. Например, 24 апреля 1866 г. была создана особая временная комиссия, которая в дальнейшем осуществляла деятельность по поддержке новокрещенных евреев (Записки МО, 1867б, 42). Произошло это через пять месяцев после создания МО и через два месяца после избрания Н. С. Голицына председателем совета МО. Поддержка «других нехристиан» (не язычников) была включена в сферу ответственности МО, однако такая переориентация на миссию

среди евреев, проживавших в черте оседлости, отражает новоявленную заинтересованность в проблемах Западного края России, которая была принципиальной в проекте Братства. Сам формат особых отделений, столь быстро проявивший себя, скорее всего, был предложен инициаторами Братства.

Общее собрание Братства должно было стать высшим совещательно-распорядительным органом. Намеревались созывать обыкновенные, годовые и чрезвычайные общие собрания. Обыкновенное собрание имело бы рабочий характер и возглавлялось бы председателем совета. Годовое торжественное собрание, возглавляемое митрополитом, подводило бы итоги и определяло генеральную линию. На нем бы слушали отчет, вносили изменения в устав, назначали ревизионную комиссию, утверждали должности и бюджет. Чрезвычайные собрания были бы посвящены экстренным вопросам и отдельным торжественным дням: дню открытия, праздникам Кирилла и Мефодия (11 мая), князя Владимира (15 июля), Александра Невского (30 августа), Исаака Далматского (30 мая), Андрея Первозванного (30 ноября) (§§ 21, 22).

Предполагались две исполнительные должности: управляющий делами, который осуществлял бы все решения, и казначей, который работал бы с суммами и отчетностью. Они имели бы возможность нанимать себе помощников, письмоводителей. Только эти лица в Братстве получали бы жалование, остальные же должны были «отказаться от всего, что могло бы походить на награду за их служение». Работу должностных лиц планировали поставить под непосредственный контроль председателя совета (§§ 46–51).

С демократическим пафосом в проекте указывалось равноправие всех участников (§ 4), однако это компенсировалось строгими требованиями для членов. Для вступления в организацию необходимо было ходатайство минимум трех его членов (§ 10), при этом внести кандидатов в список членов и выдать членский билет имело право лишь общее собрание (§ 11). Определенная сумма годового членского взноса не устанавливалась, но она должна быть внесена не позже ноября каждого года (§ 12). При этом каждый член Братства принимал на себя обязанность «всеми мерами способствовать целям братства; разделять его труды и занятия; где бы он ни находился, исполнять его поручения; содействовать ему сердцем, мыслью, делом, словом и примером жизни своей» (§ 13). Права братчика заключались в присутствии на общих собраниях с правом голоса, в возможности быть избранным, в предоставлении подходящих сведений и проектов, в публикации своих материалов, в бесплатном получении изданий Братства, в возможности посещать братчикову церковь и быть в списке поминаемых в храмах Братства (§ 14). В качестве основания для исключения из Братства могло выступать нежелание поддерживать организацию, неуплата членского взноса, а также безнравственное поведение (§ 16). Только горячие ревнители должны были входить в состав Братства, а «каждый не только иначе мыслящий и делающий, но и равнодушный, не достоин находиться в числе членов» (§ 32). Звание почетного члена, как и в МО, было торжественным признанием заслуг и не предполагало дополнительных прав (§ 15). Такая скрупулезность в отношении братчиков отражала стремление сделать организацию неким кругом избранных, а потому Братство не было проектом для всех сословий. Оно должно было стать элементом великосветской жизни. В уставе МО тоже не была прописана четкая сумма членского взноса. Упорядоченность в деле приема новых членов, которую планировали в Братстве, могла бы избавить МО от курьезных ситуаций, происходивших на практике. Один и тот же человек платил свой взнос, а значит, получал доступ к общим собраниям МО, потом отказывался от членства, затем записывался вновь у другого члена или выставлял себя за участника, хотя таковым не являлся. Такими хитростями занимались свящ. И. Н. Полисадов, свящ. Василий Михайловский, В. И. Аскоченский и др.

Источники финансирования Братства предлагались самые разнообразные. Согласно проекту, Братство могло выдавать сборные листки, устраивать кружечные сборы на всех мероприятиях, получать выручку с концертов и продажи журналов и картин,

реализовывать завещания и акции, проводить распродажи старых товаров в пользу Братства. Братчикам предлагалось договариваться с сельскими обществами, чтобы те объединялись в «крестьянские сообщества» и жертвовали минимальными размерами на деятельность Братства (§§ 41, 42). Ревизионную проверку финансов планировали назначать на общих собраниях 3–4 раза в год (§ 50). Учредители намеревались пользоваться бесплатной рассылкой корреспонденции по стране, как и Географическое общество (§ 8). Впоследствии таким правом бесплатной пересылки писем пользовались в ПМО (Устав ПМО, 1870, 13), однако в уставе МО это положение не попало.

Стоит упомянуть также символическое сходство в эмблеме. В Братстве предполагали собственную печать «с изображением св. креста в лучах и надписания „Сим победиши“ и с обозначением кругом „Совет СПб православного церковного братства“» (§ 6). Архим. Владимир использовал подобный символ в уставе МО: «Совет общества имеет свою печать с изображением честного Креста в сиянии и надписью „печать Совета Миссионерского Общества“» (Новое МО, 1865, 7). Также устав МО специально подчеркивает, что «внешних знаков отличия членов общества не устанавливается» (Новое МО, 1865, 5). Такое замечание, по-видимому, является реакцией на седьмой параграф устава Братства, где на нескольких страницах расписаны внешняя атрибутика и церемониал: шелковая перлового цвета тесьма над кистью поверх рукава с надписью; кто и где стоит на мероприятиях и т. п. Данные вопросы, так важные в глазах отставных военных, для архимандрита, очевидно, не имели существенного значения. В 1866–1868 гг. светский состав совета МО безуспешно подымал перед Св. Синодом вопрос о внешних отличиях миссионеров (Записки МО, 1867б, 27–40), а в уставе ПМО 1869 г. этот нюанс уже не оговаривался.

Переходя к миссионерской тематике на страницах устава Братства, подчеркнем, что основные правила для церковных братств 1864 г. не предоставляют возможности централизованно поддерживать миссионерство среди язычников, но при этом ясно говорят о недопустимости какой-либо дополнительной не прописанной деятельности. Однако такая деятельность в проекте Братства рассматривалась как составная часть цели «поддерживать Православную Церковь и защищать ее от посягательств иноверцев». Этому посвящена часть 31-го параграфа, согласно которому «Братство деятельно способствует к привлечению внимания и участия к церковным нашим миссиям, что может выражаться в денежных пособиях, поиске и отправке людей, способных на миссионерство, и снабжение утварью и книгами» (§ 31). Примечательно, что устав МО ставит целями организации эти же пункты и в той же последовательности, хотя и другими словами (Новое МО, 1865, 4). Некоторые другие параграфы устава Братства можно рассматривать как допускающие поддержку миссионеров, как, например, параграф о финансировании церковных школ и училищ, о благоустройстве храмов и монастырей, о противодействии посягательствам на права Православной Церкви иноверцев. И на этом миссионерская тема была исчерпана.

Вопрос финансирования миссионерства не имел важного значения для братчиков, в отличие от издания своего собственного журнала или идеи объединения всех братств страны, что можно проследить по другим вариантам проекта Братства. В набросках устава, принадлежащих С. А. Бурачку, нет никаких намеков о финансировании миссий в Сибири (РО ИРЛИ. № 397). В августовском «литографированном проекте», который мы рассмотрели выше, миссионерская тематика представлена, но не занимает большого значения. Этот вариант проекта был подготовлен специально для общественных слушаний, и Н. С. Голицын добавил в него максимальное количество возможных задач, чтобы привлечь максимально большое количество заинтересованных разными сферами лиц. Миссионерские параграфы в проекте могли иметь двойное происхождение. Помогавший архим. Владимиру (Петрову) в поиске светских благодетелей А. Г. Мальков, пребывая как раз до августа 1864 г. в Санкт-Петербурге, был «хорошо знаком» с одним из учредителей Братства А. П. Башуцким, который мог добавить эти параграфы. Сам архим. Владимир мог внести их в проект, потому что искал любые варианты поддержать сибирские миссии, пусть и в формате более

общей организации. Последнее предположение возможно только потому, что у нас нет сведений о точной дате создания устава МО. В любом случае идея специализированной миссионерской организации в течение 1864 г. уже широко звучала в Петербурге, и инициаторы Братства могли просто учесть этот фактор. Многие видные деятели, привлеченные к слушаниям, смогли не только познакомиться с проектом Братства, но и обсудить вопрос финансирования миссий. Замечания духовных лиц привели к сокращению проекта устава Братства в отредактированной сентябрьской версии. Миссионерский параграф в этой редакции сохранился, но он был еще меньше, чем в «литографированном проекте». Братству стоило «распространять православие» не только через содействие открытию братств на окраинах империи, но и «поддерживать существующие и вновь учреждаемые, и способствовать учреждению новых духовных миссий для крещения языческих инородцев в России и за ее пределами» (РО ИРЛИ. № 408. Л. 12 об., 13). Из финального варианта проекта, поданного на утверждение духовному началству, вопрос о финансировании миссионерства был исключен. Изъяв миссионерство из круга деятельности Братства, инициаторы попытались смягчить обвинения в широте целей организации, но это не помогло авторам избавиться от штампа «слишком широкого круга деятельности», поставленного духовенством (РО ИРЛИ. № 411. Л. 1).

Как мы видим, у «литографированного проекта» устава Братства присутствуют текстовые и смысловые соответствия с уставом МО, так что мы можем однозначно утверждать, что архим. Владимир использовал этот документ при составлении устава МО. Несмотря на это, устав МО — самая первая попытка юридически оформить миссионерскую организацию, а потому неудивительно, что он был недостаточно проработанным и не учитывал многих нюансов, которые возникали на практике. Такая слабость устава, а также стремление подчинить себе духовные миссии определили отношение совета МО, возглавляемого в основном Н. С. Голицыным, к своему собственному учредительному документу. Призывы редактировать устав звучали почти на каждом общем собрании, а комиссия по его изменению безуспешно функционировала с 18 сентября 1866 г. и вплоть до закрытия МО. На этом фоне и проявляют себя случаи, когда параграфы устава Братства соответствуют тому, что происходило в МО на практике. Мы не можем точно выявить, какова природа всех таких совпадений, часть из которых обусловлена общими типовыми схемами в функционировании общественных организаций исследуемого периода. Однако складывается устойчивое впечатление, что руководство МО в фактической работе использовало алгоритмы, прописанные в «литографированном проекте» устава Братства. Другие редакции проекта Братства содержат минимальное количество сходств с уставом МО.

Можно подвести некоторые итоги нашим изысканиям, хотя общий вывод об исследовании церковно-общественных организаций, предшествовавших МО, будет представлен в следующей публикации.

Во-первых, авторы проекта Братства учитывали необходимость быть включенными в церковную систему управления, хотя и пытались от нее освободиться, манипулируя правами должностных лиц в проекте. МО же, получившее полную внутреннюю независимость от Св. Синода, оказалось радикальнее в этом отношении.

Во-вторых, архим. Владимир использовал или учитывал «литографированный проект» устава Братства при составлении устава МО. Это расширяет наши представления и о его происхождении, и о времени составления — не ранее сентября 1864 г. В дальнейшем недостатки устава стали одной из причин противостояния в МО. Конфликты же оказались катализатором для существенного изменения устава центральной миссионерской организации в стране, что реализовалось в уставе ПМО 1869 г. Он был составлен с привлечением широкого круга специалистов и заложил основания для стабильной работы ПМО на многие десятилетия.

В-третьих, есть основания утверждать, что промежуточный «литографированный проект» устава Братства выступает в качестве самостоятельного документа, который, хотя и опосредованно, но существенно повлиял на особенности деятельности МО. Его

положения отразились в процессе оформления и функционирования МО в Петербурге в 1866–1869 гг., по причине участия в последнем многих лиц, привлеченных к созданию и обсуждению братского устава.

В следующей статье будет проанализирован проект устава Православного христианского общества на предмет его связей с МО в Петербурге.

Источники и литература

Источники

1. Башуцкий (1865) — [Башуцкий А. П.] Алтайская церковная миссия. Посвящается основателям первого в отечестве Миссионерского общества одним из его членов. СПб.: Тип. Дома призрения малолетних бедных, 1865. 206 с.

2. Бежанидзе (2012) — Бежанидзе Г. В. Письма святителя Филарета, митрополита Московского, из архива епископа Никодима (Казанцева) // Филаретовский альманах. Вып. 8. 2012. С. 7–17.

3. Благодравов (1913) — Вениамин (Благодравов), архиеп. Письма Вениамина, архиепископа Иркутского (1892), к Казанскому архиепископу Владимиру (1897) / С предисл. и примеч. К. В. Харламповича. Москва: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1913. 218 с.

4. Голицын (1890) — Голицын Н. С. Два события моей жизни (1848–1849; 1865–1869). Отрывок из записок ген. от инф. кн. Н. С. Голицына // Русская старина. 1890. Т. 68. (Вып. 10–12.) С. 374–381.

5. Деятельность (1868) — Деятельность. 1868. № 140, 193.

6. Домашняя беседа (1864) — Домашняя беседа. 1864. № 44.

7. Домашняя беседа (1868) — Домашняя беседа. 1868. № 37.

8. Записки МО (1867а) — Записки Миссионерского общества. Т. I. Вып. 2. СПб., 1867.

9. Записки МО (1867б) — Записки Миссионерского общества. Т. I. Вып. 3. СПб., 1867.

10. Нарышкина (2014) — Нарышкина Е. А. Мои воспоминания. Под властью трех царей. Москва: Новое литературное обозрение, 2014. 685 с. (Сер. «Россия в мемуарах».)

11. Новое МО (1865) — Новое Миссионерское общество в России. Список лиц, изъявивших готовность делать ежегодные денежные взносы в пользу Миссионерского общества, высочайше утвержденного 16 июля 1865 г. СПб.: Тип. Дома призрения малолетних бедных, 1865. 8, 72 с.

12. ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 573. Д. А I/60.

13. Осинин (1865) — Осинин И. Т. Первое общее собрание членов вновь учрежденного Миссионерского общества. СПб.: Тип. Дома призрения малолетних бедных, 1865. 8 с.

14. Отчет МО (1869) — Отчет Миссионерского Общества за 1867 год с приложениями. СПб., 1869. 551 с.

15. ПО (1868а) — Православное обозрение. Т. 25. 1868. № 4.

16. ПО (1868б) — Православное обозрение. Т. 26. 1868. № 7.

17. ПСЗ — Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1825–1881 гг. Т. XXXIX (1864). СПб.: Тип. II отделения СЕИВК, 1867. 976 с.

18. РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 292. Оп. 1. Д. 79; Д. 119.

19. РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом). Ф. 34. Оп. 1. № 147; № 356; № 370; № 397; № 401; № 408; № 411; № 413.

20. Тихомиров (1901) — Савва (Тихомиров), архиеп. Хроника моей жизни: Автобиографические записки высокопреосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского (†1896). Сергиев Посад: 2-я тип. А. И. Снегиревой, 1901. Т. 3. 814 с.

21. ТЕВ (1895) — Томские епархиальные ведомости. 1895. № 5.

22. Устав ПМО (1870) — Устав Православного Миссионерского Общества. Киев: Университетская типография, 1870. 19 с.

Литература

23. Папков (1902) — *Папков А.* Церковно-общественные вопросы в эпоху Царя-освободителя (1855–1870). СПб.: Тип. А. П. Лопухина. 1902. 184 с.

24. Тарасов (2018) — *Тарасов М. А.* Характеристика полемики по вопросу Миссионерского Общества на страницах журнала «Домашняя беседа» и газеты «Деятельность» (1868–1869) // Мат. X межд. студ. науч.-бог. конф. СПбДА. СПб., 2018. С. 216–220.

25. Тарасов (2019а) — *Тарасов М. А.* «Финансирование миссионерства в руках общественности». Почему Святейший Синод передал Православному Миссионерскому Обществу свои обязанности? // Актуальные вопросы церковной науки. 2019. № 1. С. 186–189.

26. Тарасов (2019б) — *Тарасов М. А.* Попытка учреждения Санкт-Петербургского Православного Церковного Братства (1864–1865) // Вестник Исторического общества СПбДА. 2019. № 1. С. 191–210.

27. Тарасов (2020) — *Тарасов М. А.* «Зашли бы к ректору, составили бы план...» Письмо А. П. Башуцкого к С. А. Бурачку об издании периодического листка при Санкт-Петербургской духовной академии (29 ноября 1858 г.) // Вестник Исторического общества СПбДА. 2019. № 2. (В печати.)

28. Харлампович (1907) — *Харлампович К. В.* Архиепископ Казанский Владимир Петров, его жизнь и деятельность // Христианское чтение. 1907. № 9. С. 350–384.

29. Яковлев (2015) — *Яковлев А. И.* Служители милосердия: Татьяна Борисовна Потемкина // Филаретовский альманах. Вып. 11. 2015. С. 190–217.

30. Ястребов (1898) — *Ястребов И.* Миссионер высокопреосвященнейший Владимир, архиепископ Казанский и Свяжский: Исслед. по истории развития миссионерства в России. Казань: типо-лит. Имп. ун-та, 1898. С. 77–416.